

Нань Цзин одним взмахом перерубил красные свечи на покрытом лаком жертвенном столе. В глубине его черных глаз вспыхнул злобещий потусторонний блеск.

— Божество, молим, войди в наши тела! — заговорили жители деревни Одинокого Дракона, торопливо расстегивая белые свободные рубахи. В их дрожащих голосах сквозила лютаа злоба.
— Помоги нам прикончить эту паршивую жертву!

Нань Цзин обернулся и застыл. Из-под расстегнутых воротников белых рубах показалось то, что скрывали эти люди, — вернее, то, во что они превратились. У каждого из них от самой шеи до груди была содрана кожа. Обнаженная плоть давно сгнила, превратившись в сочащееся сукровицей месиво.

Прямо на глазах в гниющем мясе разбухали и пульсировали отвратительные нарывы. Они лопались, и сквозь прорехи наружу тянулись иссохшие, покрытые трупными пятнами черные лапы.

Эти твари больше не были людьми — злые духи сожрали их без остатка, превратив в кошмарных монстров.

— И это, по-вашему, божественная сила? — холодно усмехнулся Нань Цзин.

Он с силой пнул лакированный жертвенник. Тяжелый стол опрокинулся с оглушительным грохотом. Курильница и уродливое изваяние божества полетели на пол, поднимая клубы вековой пыли. Глиняный горшок раскололся, и темно-серый пепел густым слоем усыпал доски.

В правой руке Нань Цзин держал бамбуковую линейку, в левой крепко сжимал обвалочный нож. Его лицо дышало ледяным спокойствием, а на мизинце левой руки едва заметно покачивалась Печать призрака.

— Обычные твари, — холодно обронил он.

Сжав зубами колокольчик загробного союза, Нань Цзин рванулся прямо на толпу полумертвых чудовищ. Он выставил вперед левую руку — Печать призрака качнулась и задела черную гниющую лапу, выползавшую из груди ближайшего монстра. Тварь зашипела, бешено отдергивая конечность, словно обжегшись о раскаленные угли. Взгляд Нань Цзиня заледенел. Одним точным, выверенным движением он вогнал обвалочный нож по самую рукоять в шею чудовища.

Есть первый!

Нань Цзин резко развернулся. Бамбуковая линейка со свистом рассекла воздух, наотмашь ударив старосту, который пытался подобраться со спины. Покрытый трупными пятнами старик отшатнулся.

— Три! — выдохнул Нань Цзин.

Пружинистым прыжком он нагнал старосту и нанес три стремительных удара — по шее и по ногам. Дерево глухо стукнуло о плоть, заставив старосту с воем повалиться на пол и покатиться в пыли.

— Четыре, пять, шесть, — бесстрастно отчеканил Нань Цзин.

Зал для подношений на третьем этаже был достаточно просторным. Скорость и сила Нань Цзиня многократно возросли — и даже неведомое божественное покровительство, наградившее селян черными лапами, не спасло их. Против Печати призрака они оказались бессильны. В считанные секунды Нань Цзин перебил почти всех монстров.

Последний из выживших уродцев пятился назад, подволакивая грузное тело и не смея приблизиться к юноше.

Нань Цзин медленно наступал на него, сжимая в руке обвалочный нож. Раздался сухой хруст — его подошва раздавила отломившуюся деревянную руку разбитого идола.

Тварь испустила истошный визг. Черная призрачная лапа на ее груди судорожно задергалась, пытаясь втянуться обратно в гниющую плоть, но Нань Цзин неумолимо шагнул вперед. Он выставил руку, перехватывая лапу и впечатывая в нее Печать призрака. На гнилой коже вспыхнуло алое клеймо. Омерзительная конечность забилась в конвульсиях, пытаясь вырваться, но рука Нань Цзиня даже не дрогнула.

Под воздействием печати черная призрачная лапа начала буквально растворяться, осыпаясь кусками гниющей плоти. С диким, рвущим уши визгом она обратилась в серый пепел. Лишившись опоры духа, монстр замертво рухнул на усыпанный щепками пол.

Нань Цзин скользнул взглядом по сторонам, уловив едва слышный шорох шагов. Староста крался к нему, пытаясь напасть со спины.

Назвать это существо старостой уже не поворачивался язык. Все его тело покрывали омерзительные черные пятна, а из грудной клетки рвался наружу разбухающий нарыв.

Нань Цзин резко замахнулся и со всей силы опустил бамбуковую линейку.

— Хлысть!

Тяжелое дерево с треском опустилось на старосту. Тот мгновенно сложился пополам, рухнул в пыль и завыл от невыносимой боли, катаясь по полу и хватаясь за живот.

— Семь, — выдохнул Нань Цзин.

Тогда староста держал его, посыпал пеплом и нанес ровно семь ударов. Теперь долг был возвращен сполна.

Раздался звон — серебряный колокольчик на его языке издал чистый, звонкий звук.

Нань Цзин опустился на одно колено. Отбросив линейку, он левой рукой вогнал обвалочный нож в грудь старосты, а правой мертвой хваткой вцепился в его шею. С силой рванув уродливое тело вверх, он швырнул его прямо в раскрытый черный лакированный гроб.

— Раз тебе так нужна жертва, — ледяным тоном процедил юноша, наваливаясь сверху, — сам ей и станешь!

Висевшая на мизинце Печать призрака качнулась, с шипением прожигая пульсирующие нарывы. Зажатый на самом дне гроба староста слабо затрепетал, его веки приоткрылись, и в мутных, налитых кровью глазах на мгновение прояснилось сознание.

Нань Цзин медленно, дюйм за дюймом, погружал нож в его гнилую грудь. Он смотрел прямо в лицо умирающей твари и говорил тихо, отчетливо:

— Твой ритуал обречен. Из тебя выйдет паршивая, оскверненная жертва. Богатство и вечная слава, которые ты надеялся выторговать для деревни Одинокого Дракона, так и останутся прахом. Пока я жив, этой жертве не бывать.

Веки старика судорожно задергались, а в мутных белках полопались сосуды. Из последних сил он царапал дерево скрюченными пальцами, не желая мириться с поражением, а из горла вырывался натужный хрип:

— Нет... не... этого не может быть... Все не так...

— Именно так, — безжалостно отрезал Нань Цзин.

Чудовище, когда-то бывшее старостой, застыло с остекленевшим взглядом. Тело его обмякло и безжизненно распласталось на дне гроба.

Нань Цзин резким движением выдернул обвалочный нож. На доски брызнула густая, зловонная черная жижа. Силы мгновенно оставили юношу. Он пошатнулся, осел назад и бессильно вытянулся на полу, тяжело и прерывисто дыша. Толкнув языком мокрый колокольчик загробного союза, он выплюнул его — серебряный шарик со звоном покатился по шее к самой ключице.

Его левая рука безвольно вытянулась вдоль тела. Печать призрака с тихим стуком соскользнула с пальца и покатилась по грязным доскам. Вокруг воцарилась мертвая тишина: трупы в расставленных по залу гробах больше не подавали признаков жизни. Нань Цзин позволил себе несколько секунд передышки, после чего, преодолевая слабость, заставил себя подняться.

Юй Аньянь все еще был заперт в гробу. Время не ждало — режиссер не должен умереть.

Нань Цзин шевельнул онемевшими пальцами левой руки, подобрал Печать призрака и крепко сжал в ладони. Тяжелый, ледяной металлический брусок... Оружие было невероятно могущественным, но его мертвящий холод пробирал до костей.

Едкий запах тунгового масла и свежего лака забивал легкие, заставляя Нань Цзиня заходиться в кашле. Не тратя времени на осмотр ран и печати, он подполз к соседнему черному гробу — тому самому, куда лег Юй Аньянь.

Навалившись всем телом, он налег на тяжелую крышку и с трудом сдвинул ее наполовину. Пальцы, вцепившиеся в лакированный борт гроба, побелели от напряжения. Из глубины ящика веяло могильным холодом — куда более лютым, чем в самом зале. Нань Цзин прерывисто выдохнул и потянулся к лежащему внутри мужчине, легонько встряхнув его за плечо:

— Юй Аньянь?

Веки Юй Аньяня дрогнули, но в себя он так и не пришел. Нань Цзин взглянул на зажатую в руке печать — небольшую, искусно отлитую из темного железа с золотой инкрустацией. По словам женщины в белом, эта вещь могла возвращать рассудок живым людям. Сработает ли она сейчас?

После битвы юноша был истощен до предела. Преодолевая слабость, он нащупал на шее красную нить, подтянул серебряный колокольчик к лицу и привычно зажал его губами.левой рукой он поудобнее перехватил Печать призрака и аккуратно, но твердо прижал ее к правому плечу Юй Аньяня, где ворот рубашки слегка сбился в сторону.

Мужчина слегка вздрогнул. На его бледной коже медленно проявился четкий оттиск — золотисто-багряное клеймо, словно выжженное расплавленным металлом.

Нань Цзин удивленно приоткрыл рот. Разве женщина в белом не уверяла его, что печать оставляет следы только на призраках, а для живых людей абсолютно безвредна и невидима?

— М-м... — вырвался у Юй Аньяня тихий стон. Веки его затрепетали, и он открыл глаза.

Секундное замешательство в черных зрачках мгновенно сменилось предельной концентрацией. Мужчина сфокусировал взгляд на стоявшем над гробом юноше, и на его лице

отразилось сильное волнение.

Юй Аньянь застал момент, когда Нань Цзин выпускал изо рта серебряный колокольчик и убирал печать. Юноша стоял перед ним — живой, невредимый, невероятно близкий. На бледном лице подрагивали длинные темные ресницы, а обслюнявленный серебряный бубенец на алой нити покачивался у самой ключицы. Когда Нань Цзин посмотрел на него, в его светлых глазах, поймавших отблеск догорающих свечей, заплясали теплые золотисто-красные искорки.

Жив. Нань Цзин был жив.

Юй Аньянь вспомнил тот отчаянный, непреклонный взгляд, с которым Нань Цзин заталкивал его в гроб. В тот миг ему показалось, что этот девятнадцатилетний юноша готов был без раздумий отдать свои будущие десятилетия ради того, чтобы продлить угасающую жизнь обреченного калеки хотя бы на пару месяцев.

Юй Аньянь зажмурился. Резко выбросив руку вперед, он ухватил Нань Цзиня за плечо и дернул на себя. Не удержав равновесия, юноша повалился прямо в раскрытый зев черного гроба.

В крошечной тьме деревянного ящика Юй Аньянь крепко сжимал плечи юноши, удерживая его лицо в каких-то нескольких сантиметрах от своего. Он жадно, до мельчайших подробностей всматривался в Нань Цзиня, словно все еще сомневался в реальности происходящего.

Дыхание, щекодавшее кожу, было горячим и частым. Настоящий. Живой Нань Цзин.

Юноша недоуменно склонил голову. Его руки неловко замерли по бокам — он совершенно не понимал, к чему этот порыв, и решил, что режиссер просто до смерти напуган долгим пребыванием в гробу. С кем не бывает?

Пришлось успокоить беднягу:

— Все закончилось. Ты в порядке?

Юй Аньянь резко зажмурился, только теперь осознав, что творит. В его глазах промелькнуло мимолетное замешательство, но он тут же взял себя в руки, возвращая лицу привычную маску холодного высокомерия.

— Все в порядке, — глухо отозвался он.

В его голосе снова зазвучали прежние колючие, властные нотки. Смерив юношу равнодушным взглядом, Юй Аньянь ровно добавил:

— Нань Цзин, я, кажется, ясно выразился: мне не нужно твое спасение.

<http://bllate.org/book/19041/1950578>